

Д. М. ПХАЛАГОВА

Помните...

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2002

ББК 63.5(2)

П 11

Пхалагова Дзират

П 11 **Помнится... — Языки славянской культуры, 2002. — 208 с., ил.**

ISBN 5-94457-068-7

Книга воспоминаний о прожитой жизни осетинки, ученой, профессора Д. М. Пхалаговой.

ББК 63.5(2)

ISBN 5-94457-068-7

© Д. М. Пхалагова,
2002

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В восемьдесят семь лет писать мемуары — задача весьма сложная, и я взялась за них не для того, чтобы похвалиться своими успехами. Мне хочется вспомнить все, что случилось со мной на протяжении жизни, — хорошее и плохое, рассказать о людях с которыми свела меня судьба, как о благородных, доброжелательных, щедрых, так и о несправедливых, нечестных, завистливых. Всякое бывало в жизни, и те, кто прочитает эту книгу, может быть, будут лучше разбираться в ней, научатся отбрасывать все наносное, ненужное и ценить истинно доброе и прекрасное. Главное, что помогло мне справиться с многочисленными жизненными невзгодами, это вера в лучшее будущее и настойчивость в достижении цели, старание идти к ней через все преграды, которые так щедро ставит перед нами судьба.

ДЕТСТВО

Не знаю, когда я появилась на свет. Помню только, когда мать меня ругала, она часто приговаривала: «Хайраджыты æхсæв райгуырдтæ æмæ уыдоны хуызæн дæ...»¹ Этот день, когда задабривают нечистую силу, отмечается накануне Нового года, в ночь со вторника на среду. Конечно же, постоянное напоминание и сравнение с нечистой силой не могло не отразиться на моем характере. Я росла с ощущением какой-то своей неполноценности. И даже в зрелые годы это чувство не до конца покинуло меня. Год рождения пришлось устанавливать по сохранившейся семейной фотографии, где мать стоит с маленькими моими сестрами — Бабуца и Венерой, беременная мной, примерно на пятом месяце. Фотография была сделана в конце августа 1915 года. Судя по этим данным, я родилась в конце декабря 1915 года или в начале января 1916 года.

¹ Осет.: «Ты родилась в ночь чертей и похожа на них».

Мое появление на свет было необычным. Как рассказывала бабушка Кошер (Томиан), на свет я появилась с волосатой спиной и необычно перекрученной вокруг тела пуповиной. По тому, как была перекручена пуповина, бабушка Кошер предсказала, что у ребенка не будет какого-то органа и стала оплакивать мое рождение, приговаривая: «Девочка же, не мальчик, почему ей жить без одного органа, на войну же не пойдет, девочка же...» С этого времени бабушка более не выпустила меня с рук. Она всегда оберегала меня. Семья у нас была большая, патриархальная, но я росла в отдалении от других детей, которых у нашей матери было еще четверо, была слабой и болезненной.

Один удивительный случай запомнился мне на всю жизнь.

Маленькой я помню себя с огромным перевязанным животом. Я с трудом передвигалась, отягощенная им, на своих тонких ножках и все время болела. Однажды во время летних грозовых дождей нашу соседку Даурову ударила молния. Ее быстро закопали в землю и через некоторое время снова откопали. Она ожила. С тех пор эта скромная и тихая женщина начала предсказывать судьбу. Люди хлынули к ней, чтобы узнать свое будущее. Как самую слабую и болезненную из своих детей, мама решила повести меня к ней, чтобы узнать, какая судьба меня ждет. Когда мы при-

шли, Даурова посадила нас и спросила мать, о ком она хочет узнать. Мама ответила, что хочет узнать о судьбе своей дочери, сидящей рядом. Даурова сказала: «Ты мне говоришь о девочке, но это не девочка, а мужчина». Мать взяла меня на руки: «Вот эта девочка больная». Даурова опять ответила: «Это не девочка, а мужчина. Вот смотри, с правой ее руки стоит святой Георгий, он охраняет и ценит ее как мужчину. Не беспокойся. Она вырастет и добьется всего, чего захочет...» На эти слова Дауровой я ответила: «Ваш святой Георгий такой же бабник, как все мужчины!» Но святой остался ко мне благосклонен, за всю жизнь я не помню случая, чтобы зря обидевший меня человек остался безнаказанным...

Семья наша состояла из 27 человек. В ней было пять братьев, четыре снохи и их шестнадцать детей, из которых четверо были мальчики, а остальные девочки. Такой огромной семье грозило разорение, так как на девочек не давали земельного надела. Возглавляла и управляла семьей бабушка Кошер. Она вставала рано утром и распределяла обязанности между сыновьями и снохами.

Самый старший сын, Мацко (мой отец), и второй, Дзибо, после сельскохозяйственных работ (к которым привлекалась вся семья), заготавливали лес на дрова. Третий, Камболат, продавал излишки леса и сельскохозяйственных продуктов, а так-

же закупал промышленные товары, необходимые для нашей огромной семьи. Он умел расписываться и считался грамотным по тем временам. Четвертый — Татари — следил дома за снохами, чтобы они безупречно выполняли распоряжения бабушки Кошер. Пятый сын, Николай, жил во Владикавказе, закончил Кадетский корпус и служил в царской армии. Изредка, на радость всей семье, он приезжал домой.

Готовила пищу на всю семью старшая сноха, наша мать Сафетка, вторая — Гашка — помогала ей в этой трудной работе, третья — Гафе — следила за детьми. Самая младшая сноха, Чабакан, со старшими девочками доила коров и буйволиц. Рано утром, пока село спит, она приносила питьевую воду из небольшой речки, протекавшей по нашему земельному наделу, наводила порядок и чистоту во дворе и на прилегающей к дому части улицы.

Все выполняли свои обязанности, принуждать никого не приходилось, да и Татари не позволял никому отлынивать. Большая семья жила в дружбе и согласии.

Отец наш, неграмотный Мацко, сильно заикался, но был удивительным рассказчиком длинных увлекательных сказок. Когда он нараспев рассказывал свои сказки, то совсем не заикался. Длинными зимними вечерами мы с большим интересом слушали его и забывали обо всем, могли

даже заснуть голодными, если мать не позовет нас ужинать.

Мама рано утром уходила в хадзар (кухня-столовая) и возвращалась в свою комнату только поздно ночью. Ее обязанностью было кормление не только всех 27 человек нашей семьи, но и бесконечно приглашаемых в течение всего дня гостей. Достаточно было кому-то из мужчин выйти на улицу, как через некоторое время он возвращался с кем-нибудь в хадзар. Когда в дом приходил чужой человек, даже если это был ближайший сосед, ему готовили угощение. Мать наша не выходила из хадзара с раннего утра до поздней ночи, а мы, ее дети, очень часто оставались голодными, потому что детям в присутствии мужчин, тем более чужих, нельзя было показываться в хадзаре. Тогда нам оставались только папины сказки, где победителем всегда оказывался благородный герой с щедрой душой, который становился для нас примером.

Однажды зимой к нам зашел друг отца и дальний родственник нашей матери Дзадзак Гудиев. Мать сразу же взялась за тесто, чтобы приготовить дорогому гостю свежие пироги с сыром, а пока пироги пеклись, поставила на стол араку с закуской. Дзадзак с рюмкой в руке начал настаивать нашего отца, чтобы он привел в дом вторую жену, которая родила бы ему мальчика. Я тут же подошла к Дзадзаку и сказала: «Дза-

дзæк, мах хæдзары ахæм ныхæстæ ма кæн»². Гость мрачно посмотрел на отца, отставил рюмку в сторону и сказал: «Э-э-й, Мацко, я бы никогда не поверил, что твой щенок так залает на меня в твоём доме». После этих слов он встал из-за стола и вышел. Вслед за ним, без единого слова, вышел и Мацко.

Когда мужчины ушли, мать в испуге взяла меня на руки и стала плакать, приговаривая, что никогда не надо вмешиваться в разговоры мужчин: «Зачем ты подошла к ним? Вот теперь отец придет и убьет тебя!» Через некоторое время отец вернулся, сел на табуретку и подозвал меня. Когда я подошла, он взял меня на руки, посадил на колени, прижал к груди, и слезы полились из его глаз. Это был единственный случай в жизни, когда я увидела отца плачущим. С этого времени в нашем доме никогда не было разговоров о мальчике. Все мы, пять дочерей Мацко, росли любимыми и желанными.

Но грянула революция, у нас в Гизели был создан Совет бедноты. В один прекрасный день представители этого Совета подогнали к нашему двору несколько повозок и забрали все продовольственные запасы, оставив огромную семью без еды, посадочного и семенного материала. Это было в 1922 году.

² Осет.: «Дзæдзæк, в нашем доме таких разговоров не ведите».

Вскоре распространились слухи, что хозяйства, имеющие более двух коров и двух лошадей, подлежат раскулачиванию: у них отберут «лишний» скот и раздадут тем, кто никогда и не думал держать какую-либо скотину, ибо это лишняя забота для бездельника. Пришлось нашей дружной работающей семье разделиться: вместо одной большой образовалось четыре семьи, которые жили по отдельности.

В старом доме остались бабушка Кошер, мой отец Мацко с семьей и дядя Николай, еще не женатый. Старый отцовский дом решили сохранить в таком виде, как его оставили родители. Трех братьям — Дзибо, Камболату и Татари — общими усилиями построили двухкомнатные кирпичные домики с хозяйственными пристройками. Моя старшая сестра Бабуца уже выросла, о ней заботился дядя Николай. У второй сестры болели глаза, об учебе не было и речи, я еще не доросла до школы, остальные были еще меньше. Так как мы остались в старом дедовском доме, нас долгое время еще считали богатыми. Несколько раз приходили какие-то люди, производили обыски, чтобы найти «золотые запасы» нашей огромной семьи. Согласно доносам, золото было зарыто под навозной кучей в саду. Перерыли весь сад, ничего не нашли, но нашего отца арестовали и несколько месяцев продержали в тюрьме, требуя, чтобы он указал, где спрятано золото, которого у

нас никогда не было. Под этим же предлогом его еще несколько раз сажали в тюрьму.

К тому времени дядя Николай, изучив все новое, что появилось в сельском хозяйстве, приехал из города с предложением организовать коллективное хозяйство для совместной обработки сельскохозяйственных угодий. Объединив хозяйства, в которых была скотина, лошади и сельскохозяйственный инвентарь, создали колхоз, который начал довольно успешно работать. Однако опять грянула беда: колхоз сочли «кулацким» и раскулачили, а все имущество раздали так называемым беднякам. Вскоре они, мстя прежним хозяевам лошадей, гоняли их, не кормили, отчего лошади подохли, а сельскохозяйственный инвентарь бездельники разрушили и выкинули. Так завершилось создание первого колхоза в селении Гизель.

После этого пришлось долго и основательно поработать с людьми, чтобы убедить их в эффективности колхозного производства. Одна из двух лошадей подарила нам очень красивого черного жеребенка. С самого рождения этого жеребенка я так привязалась к нему, что все свободное время проводила с ним. Я приучила его есть с руки, и скоро он так привык ко мне, что отправлялся разыскивать меня, когда я долго не приходила. По утрам он подходил к дверям моей комнаты и начинал ржать и фыркать до тех пор, пока я не выйду к нему.

Отец сделал нам небольшую двухместную коляску на рессорах, бидарку, в которую я его запрягала, и мы с ним часто катались.

Удивительное дело, жеребенок никого не подпускал ни ко мне, ни к себе, ни к бидарке. Если кто-то пытался подойти поговорить со мной или покататься, он срывался с места и уносился с такой скоростью, что его трудно было догнать.

К великому сожалению, он попал в тот самый колхоз, который впоследствии называли «кулацким», и стал одной из первых жертв раскулачивания: мой любимый жеребенок погиб... Мне уже за 86 лет, а я до сих пор с болью вспоминаю это замечательное и удивительно умное животное. Не хочется даже называть его животным, настолько близким существом он для меня стал...

СЕМЬЯ

В детстве я часто болела и была гораздо меньше ростом, чем мои сверстники, поэтому в школу меня не отдавали. Родители решили, что учить будут только старшую дочь Бабуца, так как учить всех не позволяли материальные возможности.

После распада нашей патриархальной семьи на четыре, судьба каждой из них сложилась по-разному. Наш отец Мацко со всей ответственностью отнесся к воспитанию детей. Ему помогал дядя Николай, который был для нас как старший брат. Вступив в колхоз, отец был в нем примерным работником, привлекая к труду и нас, своих дочерей, кроме старшей, красавицы Бабуца, которая к этому времени училась в городе Владикавказе в самой престижной тогда школе № 10. Окончив школу, она поступила в педагогический институт. Получив специальность преподавателя биологии, она стала преподавать в железнодорожной школе. К тому времени у нее появились женихи.

Среди многочисленных претендентов на ее руку победу одержал наш односельчанин, комсо-

мольский вожак Константин Борисович Кесаев, который сперва покорил нашего отца Мацко, а потом и его старшую дочь. Проработав некоторое время преподавателем биологии, Бабуца вскоре была назначена на должность директора школы. Потом ее приняли в партию и через некоторое время назначили на должность секретаря Промышленного райкома КПСС. Там она проработала до ухода на заслуженный отдых. На пенсии она прожила недолго, оставив после себя сына Бориса и дочь Елену, которые получили высшее образование, работают по профессии, воспитывают детей и внуков.

Вторая моя сестра, Венера, несмотря на болезнь глаз (бельмо на глазу), закончила в Гизели Школу крестьянской молодежи (ШКМ) и всю жизнь проработала в гизельском детском садике. Она воспитала двух сыновей — Николая и Константина.

Судьба Венеры сложилась трагично. Она вышла замуж за горячо любимого ею красавца Сергея Токаева, работавшего тогда бухгалтером в колхозе. У них появился сын Николай, ставший впоследствии директором Бесланского конного завода, второй сын Константин еще не родился, когда Сергея арестовали, якобы за растрату колхозного имущества.

Вскоре Сергея расстреляли, а через год Венера Мацкоевна получила извещение о том, что ее муж